

Šerstnev, Georgij

Модернист поневоле : дневники Франца Кафки и советская литературная критика

Opera Slavica. 2024, vol. 34, iss. 2, pp. 15-36

ISSN 1211-7676 (print); ISSN 2336-4459 (online)

Stable URL (DOI): <https://doi.org/10.5817/OS2024-2-5>

Stable URL (handle): <https://hdl.handle.net/11222.digilib/digilib.81655>

License: [CC BY-SA 4.0 International](https://creativecommons.org/licenses/by-sa/4.0/)

Access Date: 07. 03. 2025

Version: 20250223

Terms of use: Digital Library of the Faculty of Arts, Masaryk University provides access to digitized documents strictly for personal use, unless otherwise specified.

Модернист поневоле: дневники Франца Кафки и советская литературная критика

The Reluctant Modernist: Franz Kafka's Diaries and Soviet Literary Criticism

Георгий Шерстнев

(Санкт-Петербург, Россия)

Абстракт:

В статье рассматривается способ презентации творчества Франца Кафки читателю, выбранный советской литературной критикой и литературоведением 1960–1970-х годов. Ключевым элементом советского дискурса о Кафке оказывается дневник писателя. Особенности литературного метода Кафки, проблемы, связанные с творческой историей его текстов, с одной стороны, и современный полемический контекст, с другой, позволяли отвести Кафке роль не столько классика литературы, сколько создателя исторического источника, освещающего его личную историю, особенности его эпохи и попутно разоблачающего модернизм. Автор статьи показывает, как использовалась концепция личного дневника в официальной позднесоветской культуре, и как связанный с этим набор идей применялся к дневнику Кафки и к его творчеству в целом.

Ключевые слова:

Франц Кафка; советская литературная критика; реализм; модернизм; дневник; советская литература

Abstract:

The article examines the way of presenting Franz Kafka's work to the reader, chosen by Soviet literary criticism and literary studies of the 1960s–1970s. The key element of the Soviet discourse about Kafka is the writer's diary. The peculiarities of Kafka's literary method, the problems related to the history of his texts, on the one hand, and the contemporary polemical context, on the other hand, made it possible to assign Kafka the role not so much of a literary classic as the creator of a historical source that illuminates his personal history, the peculiarities of his epoch and denounces modernism. The author shows how the concept of the private diary was used in late Soviet official culture, and how this set of ideas was applied to Kafka's diary and to his work in general.

Key words:

Franz Kafka; Soviet literary criticism; realism; modernism; diary; Soviet literature

К концу 1960-х годов в СССР был опубликован достаточно репрезентативный корпус сочинений Франца Кафки. С этого момента Кафка становится заметной фигурой в советской культуре. Печатные отзывы о творчестве писателя или по меньшей мере свидетельства о чтении его текстов оставили представители разных вариантов советского литературного канона — А. Ахматова, Б. Пастернак, А. Твардовский, К. Симонов, К. Федин, Н. Тихонов, И. Эренбург, Ю. Трифонов, В. Шкловский, А. и Б. Стругацкие и многие другие. Более того, различные советские публикации описывали результат проникновения Кафки в СССР как моду, пагубную или в лучшем случае назойливую. П. Антокольский описывал представителей высших столичных мещанских кругов как «ценителей и дегустаторов любой последней моды от Кафки до рублевских икон». ¹ «„Постимпрессионизм, сюрреализм, Кафка“ — дежурное, из вечера в вечер... „Потрясно!“, „Потрясающе!“ И мнить себя ужасно просвещенными, ужасно свободомыслящими, отчаянно смелыми защитниками прогресса», ² — набрасывается на современников-демагогов персонаж романа Л. Беляевой «Бессонница» (1976). Свою любовь к Кафке «патлатый» архитектор из повести Н. Сизова «Конфликт в Приозерске» (1979) никак не может объяснить героине,

1 ANTOKOL'SKIJ, P.: Bella Achmadulina. In: ANTOKOL'SKIJ, P.: *Sobranije sočinenij: V četyrech tomach*. T. 4. Moskva: Chudožestvennaja literatura, 1973, s. 253.

2 BELJAJEVA, L.: Bessonnica. In: BELJAJEVA, L.: *Sem' let ne v ščet*. Moskva: Sovetskaja Rossija, 1988, s. 105.

решительно отвергающей Кафку за «заумь».³ Общим местом становится труднодоступность единственной книги с текстами Кафки. Жена центрального персонажа рассказа В. Белова «Чок-получок» (1978) жалуется на отсутствие Кафки и Джойса в магазинах, что вызывает гнев ее мужа: «Важно, что в магазинах нет Кафки и Джойса. А то, что нет Лермонтова и Пушкина, на это начхать!»⁴ «Джойс, по сравнению с Кафкой, мальчишка»,⁵ — заявляет их собеседник, кибернетик свободных нравов. В одном из очерков А. Кременского автору приходится выслушивать расспросы директора воронежского НИИ сельского хозяйства им. Докучаева о том, удалось ли ему достать недавно вышедший том Кафки, вместо того чтобы вести куда более интересную беседу о сельскохозяйственных исследованиях.⁶ Наконец, герой фельетона, напечатанного в журнале «Крокодил» в 1975 году, пытается достать мотор от МАЗа, чтобы обменять его на редкое издание, попутно выясняя, как же на самом деле звучит фамилия писателя.⁷

Кафка приходит в СССР не просто как классик модернизма, один из участников ставшей чрезвычайно устойчивой в советской печати триады «Кафка, Пруст, Джойс»⁸. За рубежом в это время Кафка — фигура, чьи тексты вызывают споры и порождают конфликтующие интерпретации. Поскольку готовой концепции творчества Кафки, пригодной для комфортного трансфера в советский культурный контекст, не существовало, советский Кафка приобретает очертания в ситуации полемики. События 1963 года, с которыми был связан основной всплеск интереса советской литературной критики к Кафке, — конференция в Либлице и сессия Европейского сообщества писателей в Ленинграде — требовали ответа, побуждая сформулировать официальную позицию по отношению к писателю. Главным предметом дискуссии, и во многом поводом для нее, были попытки ряда участников встречи в Либлице (Р. Гароди, Э. Фишер) выяснить, на каких основаниях тексты Кафки могут быть включены в круг чтения человека, живущего при социализме. Закономерным образом такая постановка вопроса привела к тому, что в Либлице Кафка обсуждался как

3 SIZOV, N.: Konflikt v Prioizerske. In: SIZOV, N.: *Začem mne ètot million?* Moskva: Sovetskaja Rossija, 1988, s. 46.

4 BELOV, V.: Čok-polučok. In: BELOV, V.: *Vospitanije po doktoru Spoku.* Moskva: Sovremennik, 1978, s. 242.

5 Ibidem, s. 241.

6 KREMENSKOJ, A.: Dokučajevskije rošči. In: KREMENSKOJ, A.: *Oblaka i zvezdy.* Moskva: Sovetskij pisatel', 1978, s. 472.

7 ÈDEL', È.: Kifka. *Krokodil*, 1975, № 33, s. 7.

8 Польза от такого объединения имен, впрочем, порой подвергалась сомнению. См.: MOTYLEVA, T.: V sporach o romane. *Novyj mir*, 1963, № 11, s. 207.

писатель-реалист, показывавший определенные черты капиталистического общества своего времени и, что еще более важно, сохраняющий актуальность в свете осмысления недавнего тоталитарного прошлого (не в последнюю очередь связанного с коммунистическими режимами) и стремления к гуманизации социализма.⁹ Такого рода трактовки, тесно связанные с идеями марксистского «ревизионизма» и создаваемые непосредственно его идеологами, становились политической проблемой. Практически все советские тексты 1960-х и 1970-х годов, упоминающие Кафку, так или иначе поднимали вопрос об охране границ реализма.¹⁰

Тем не менее нельзя сказать, что ответ на тезис о реализме Кафки для советской критики сводился исключительно к совершенному отрицанию его возможности. Большие ресурсы, задействованные для ответа на вопрос «почему Кафка не реалист?», позволяли считать, что ошибка зарубежных левых критиков в общем была понятной, в каком-то отношении даже продуктивной, и заслуживала подробного разбора. Определяя реализм, следовало прежде всего исключить его толкование как явления, неразрывно связанного с мимесисом. Например, Т. Мотылева, отвечая на критику реализма, прозвучавшую со стороны зарубежных гостей в ходе ленинградской сессии Европейского сообщества писателей, объявляла неверным понимание реализма как «точного воспроизведения действительности»: «...художественное обобщение может принимать формы, внешне не похожие на действительность, и вместе с тем заключать в себе жизненную правду».¹¹ Не рекомендовалось сводить реализм и к литературной технологии — один за другим советские писатели и критики повторяют, что он способен усвоить любые приемы и заимствовать из любых литературных традиций¹². Основание концепции реализма, стоящей за многочисленными туманными формулировками вроде «жизненной правды», «этического отношения к действительности», «живого процесса истории», было достаточно ясно сформулировано Л. Гинзбург как «представление о законосообразном посюстороннем мире»: «Литература объявляет своей

9 Подробнее о конференции в Либлице и о позициях ее участников см.: HUGHES, K.: The Marxist Debate, 1963. In: FLORES, A. (ed.): *The Kafka Debate*. New York: Gordian Press, 1977, pp. 51–59.

10 Обзор реакций советской литературной критики на тексты Кафки см.: TALL, E.: Who's Afraid of Franz Kafka?: Kafka Criticism in the Soviet Union. *Slavic Review*, 1976, vol. 35, issue 3, pp. 484–503. Обширную, хотя и далеко не полную библиографию советских текстов, упоминающих Кафку, можно найти в книге: FILIPPOV-ČECHOV, A. (sost.): *Franc Kafka v ruskoj kul'ture*. Moskva: Centr knigi Rudomino, 2012.

11 MOTYLEVA, T.: V sporach o romane. *Novyj mir*, 1963, № 11, s. 218.

12 См., например: FEDIN, K.: Sud'ba romana. *Pravda*, 1963, № 218 (6 avgusta), s. 4; Veter veka — v parusa realizma. *Literaturnaja gazeta*, 1965, № 14 (2 fevralja), s. 4.

задачей установление причинно-следственных связей, своим методом — наблюдение и т. п.». ¹³ Именно это концептуальное различие между реализмом и модернизмом советская критика стремилась сохранить: в противоположность реалистическому методу, модернистский предполагал радикальное сомнение в действительности, нарушение связей между явлениями, гиперболизацию индивидуальных психологических эффектов. Идея «Кафки-реалиста» подразумевала поиск такого способа читать и интерпретировать литературные тексты, который позволил бы использовать их в новых, вероятнее всего, не подразумевавшихся первоначально контекстах. Напротив, советская критика стремилась сохранить господствующую номенклатуру литературных направлений, претендуя в анализе текстов Кафки на реконструкцию интенции и идеологии, обеспечивших их создание. С этой точки зрения Кафка оказывался безусловным модернистом, о чем стремилась сообщить практически любая, за редкими исключениями, советская публикация о его творчестве. Но несмотря на сказанное выше, большая часть советских текстов о Кафке все равно возвращалась к вопросу о референциальности в его текстах, и вопрос не выглядел решаемым совершенно однозначно. В свете адресованного советскому литературному сообществу призыва Ж.-П. Сартра присвоить Кафку, «пояснить» его и научиться правильно использовать ¹⁴ публикация текстов Кафки в СССР неизбежно требовала не только критики, но и поиска продуктивного способа читать его тексты.

Случай Кафки становился особенным ввиду того, что заметное место в корпусе его текстов занимал дневник. При этом, в силу особенностей литературного метода Кафки, специфики его карьеры, обстоятельств публикации основной массы его текстов, сущностные различия между дневниками и его литературной прозой провести было не так просто. Как предполагалось, в такой же степени не предназначенный для чужих глаз, как и многие другие тексты Кафки, дневник Кафки был и литературой, и чем-то другим. В 1967 году переводчица Е. Кацева начала подготовку книги с избранными дневниковыми записями и письмами Кафки для издательства «Искусство». ¹⁵ Выдержки из дневника были впервые напечатаны в 1968 году в журнале «Вопросы литературы». ¹⁶ Хотя после событий Пражской весны, серьезно

13 GINZBURG, L.: *O literaturnom geroje*. Leningrad: Sovetskij pisatel', 1979, s. 64.

14 SARTRE, Ж.-П.: Cholodnaja vojna i jedinstvo kul'tury. *Inostrannaja literatura*, 1963, № 1, s. 228.

15 Е. Кацева оставила характерное свидетельство: в ходе подготовки тома издательство потребовало увеличить число критических статей, в сопровождении которых печатались тексты документов, до четырех. См.: KACEVA, Je.: *Opisanije odnoj bor'by*. *Znamja*, 1993, № 12, s. 196.

16 KAFKA, F.: *Iz dnevnikov Franca Kafki*. *Voprosy literatury*, 1968, № 2, s. 131–168.

усложнивших публикацию Кафки в СССР, книга так и не была издана, несмотря на содействие К. Симонова¹⁷, сам факт, что советский читатель мог наряду с книжным изданием литературных текстов зарубежного писателя-модерниста получить соразмерный ему том с документами частной жизни и материалами к творческой биографии, требует комментария. Что советский читатель мог ожидать, когда речь заходила о дневниках?

Личный дневник присутствовал в советском публичном поле прежде всего как исторический источник. Учебник «Источниковедение истории СССР» таким образом определял его свойства: «В литературном отношении дневники значительно уступают воспоминаниям и отличаются отрывочностью, сухостью, краткостью, наличием большого количества сокращений, намеков и полунамеков, а то и просто зашифрованностью в описании отдельных событий и их участников».¹⁸ Автор дневника «нередко подробно пишет о второстепенных и третьестепенных событиях и лишь мимоходом упоминает о событиях и фактах, которые, как выясняется в дальнейшем, имеют огромное значение».¹⁹ Л. Пушкарев отмечает, что при работе с дневниками историку «постоянно приходится делать поправку на личные вкусы, интересы, симпатии автора».²⁰ Такой малонадежный, трудный для интерпретации, субъективный исторический источник тем не менее описывается как обладающий особой степенью достоверности, ввиду отсутствия хронологической дистанции между актом письма и описываемыми событиями.²¹ Для историка не бывает неинтересных дневников, заявляла М. Чудакова в популярной книге, растолковывавшей широкому читателю значение архивных документов личного происхождения. Автор приводила в качестве примера такого документа «типичный дамский дневник»: «...приходилось видеть дневники... сосредоточенные на сугубо личном интересе, рассказывающие только о перипетиях личной судьбы, до отказа наполненные страстным личным отношением ко всему, что попадало в поле зрения автора, — отношением, казалось бы, деформирующим описываемые факты, делающим их непригодными для использования... [...] Можно с достаточной долей уверенности предполагать, что со временем они будут изданы и прочтены с захватывающим интересом как своеобразная

17 SIMONOV, K.: [Pis'mo V. N. Sedych]. In: SIMONOV, K.: *Sobranije sočinenij v desjati tomach*. T. 12. Moskva: Chudožestvennaja literatura, 1987, s. 445–447.

18 KOVAL'ČENKO, I. (red.): *Istočnikovedenije istorii SSSR*. Moskva: Vysšaja škola, 1973, s. 275.

19 Ibidem.

20 PUŠKAREV, L.: *Klassifikacija russkich pis'mennych istočnikov po otečestvennoj istorii*. Moskva: Nauka, 1975, s. 89.

21 KOVAL'ČENKO, I. (red.): *Istočnikovedenije istorii SSSR*. Moskva: Vysšaja škola, 1973, s. 275.

повесть о жизни — жизни частной, но несущей на себе глубокие нарезки важнейших общественных событий описанного времени».²²

Вероятно, лучше всего известным советской публике контекстом, в котором имела обращение идея дневника как исторического источника, была история блокады Ленинграда. Начиная с 1940-х годов в советской печати появлялись как выдержки из дневников свидетелей блокады, так и литературные тексты, написанные в дневниковой форме. Так или иначе, с целью убедить читателя в их аутентичности все они в той или иной степени эксплуатировали главные свойства, признаваемые за дневником, — эффект достоверности, фрагментарность, редукцию художественных средств.²³ «... Если в дневниковые записи проникают сочинительство и ухищрения, ценность их улетучивается как дым»,²⁴ — пишет автор рецензии на «безыскусственную и правдивую» документальную повесть П. И. Капицы «В море погасли огни». Автор статьи о блокадных дневниках профессиональных литераторов, несмотря на все оговорки о том, что их тексты не миновали процесса литературной обработки, считает нужным оправдывать ориентацией на материал их особенности, делающие их неправильной литературой: «Любое несовершенство формы, естественное (если учитывать условия, в которых велись дневники) компенсируется непосредственностью переживаний. Сам жанр предполагает снисхождение к его разностильности, необработанности, несущим в себе достоверность конкретного момента. Художественные недостатки, таким образом, превращаются в достоинства».²⁵ А. Адамович и Д. Гранин, декларируя задачи своего проекта по сбору материалов о блокадной жизни, среди которых не последнее место занимали дневники ленинградцев, сразу предупреждали читателя об устранении литературы: «Литература (и хорошая) уже была. [...] У литературы свои преимущества и возможности. Но и своя ограниченность, если имеешь дело с таким событием и такими страданиями. Пусть на этих страницах выговорится сама память блокадная — ее языком и „стилем“».²⁶

В конечном счете самый известный блокадный документ — дневник Тани Савичевой — демонстрировал отсутствие традиционных, комфортных для

22 ČUDAKOVA, M.: *Besedy ob archivach*. Moskva: Molodaja gvardija, 1975, s. 153–154.

23 Нужно, впрочем, отметить, что в основном советскому читателю блокадные дневники в полном виде и во всем их своеобразии были неизвестны. См.: PAVLOVSKAJA, A., PAVLOVSKIJ, A.: *Blokadnyj dnevnik v kul'turnoj pamjati: Archiv i kanon blokadnogo ègo-dokumenta (1941–2021)*. In: LOMAGIN, N. (red.): *«Ja znaju, što tak pisat' nel'zja»: Fenomen blokadnogo dnevnika*. Sankt-Peterburg: Izdatel'stvo Jevropejskogo universiteta v Sankt-Peterburge, 2022, s. 421–456.

24 PLOTKIN, L.: Leningrad, 1942. *Literaturnaja gazeta*, 1972, № 47 (22 nojabrja), s. 5.

25 ŠUBIN, È.: *Blokadnyje dnevniki pisatelej*. In: KOVALEV, V., PAVLOVSKIJ, A. (red.): *Literaturnyj Leningrad v dni blokady*. Leningrad: Nauka. Leningradskoje otdelenije, 1973, s. 270.

26 ADAMOVIČ, A., GRANIN, D.: *Glavy iz blokadnoj knigi*. *Novyj mir*, 1977, № 12, s. 29.

советского читателя литературных средств, сводясь к прямой констатации катастрофы. «Жестокая правда войны водила рукой... Тани в осажденном Ленинграде»,²⁷ — писал редактор газеты «Неделя» в 1979 году.

Дневник писателя — другая широко публикуемая в СССР разновидность дневника — был призван служить источником сведений о литературном быте и генезисе литературных текстов, комментировать литературные тексты или помогать в их интерпретации, обеспечивать реконструкцию биографического контекста, в котором они создавались.²⁸ «...именно в записной книжке или в дневнике, которые близки по своим жанровым особенностям, художники слова обычно с большей откровенностью, чем в письмах, говорят о своих творческих исканиях и общественных интересах, литературных вкусах и личных переживаниях»,²⁹ — писали авторы статьи о записных книжках Достоевского. Разнообразие легитимных способов использования писательского дневника, наряду с той относительной конструктивной свободой, которая была дозволена дневнику в официальной печати, позволяли ему существовать в качестве альтернативной формы презентации литературы и литературного труда, пусть чаще всего во фрагментарном, отредактированном и цензурированном виде. Именно как особую литературу Т. Хмельницкая описывает дневник М. Пришвина, ставший впоследствии одним из самых известных писательских дневников: «Встречи с людьми и записи разговоров, мысли о времени и о себе, зарождение замыслов и заготовки будущих книг, на лету схваченные наблюдения, образы, слова — все это кипение творческой жизни захватывает нас, мы вовлечены в ее поток, мы приобщаемся к самому процессу восприятия и воплощения мира. Именно в этой отрывочности, непосредственности, непредвиденности впечатлений каждого дня, не предусмотренных планом и расписанием, порожденных самой жизнью, — предельная убедительность и достоверность».³⁰ Автор статьи стремится представить профессиональное литературное творчество Пришвина и его дневники как продукт одного литературного предприятия, в частности предполагавшего совершенно иную ситуацию писательского труда, чем та, что была канонизирована в позднесоветской культуре: «Пришвин отличается тем, что у него процесс и результат

27 Devjatyj den' maja. *Nedelja*, 1979, № 18 (30 aprelja), s. 3.

28 По мнению А. Пинского, писательские дневники и вообще дневник как литературная форма и модель для литературы получили особое распространение во время «хрущевской оттепели». См.: PINSKIJ, A.: Dnevnikovaja forma i sub'jektivnost' v chruščevskuju èpochu. In: PINSKIJ, A. (red.): *Posle Stalina: pozdnesovetskaja sub'jektivnost' (1953–1985)*. Sankt-Peterburg: Izdatel'stvo Jevropejskogo universiteta v Sankt-Peterburge, 2018, s. 145–178.

29 ZIL'BERŠTEJN, I., ROZENBLJUM, L.: Najedine s samim soboju. *Ogonek*, 1971, № 46, s. 11.

30 CHMEL'NICKAJA, T.: Razdum'ja chudožnika. *Literaturnaja gazeta*, 1956, № 151 (20 dekabnja), s. 3.

творчества часто совпадают. Книги его создаются не за письменным столом. Он любит писать в глубине леса, на мокрых пнях, опытным глазом замечая и рост сосны, и повадку зяблика».³¹ Создатели книги «Ни дня без строчки» (1965), собранной из дневников и записных книжек Ю. Олеши, предприняли работу по организации материала, в особенной мере неупорядоченного и фрагментарного, но отчасти сохранили в получившемся тексте эффект случайности соединения фрагментов — только не как естественный след практики дневникового письма, а скорее как литературный прием монтажа. В. Шкловский, один из редакторов книги, в предисловии к первому изданию относит результат работы с записями Олеши к «новой советской прозе», объединяющей «в одно целое новеллу, статью, философское исследование», «многообразной так, как многообразна новая жизнь»³² — хотя здесь можно увидеть скорее ревизию документалистских и монтажных идей 1920-х годов. Впрочем, на то, какого рода уборку действительно требовалось произвести в «творческой лаборатории» советского писателя, в большей степени указывал принцип отбора записей для публикации. Позднейший публикатор дневников Олеши В. Гудкова отмечает: «В культурное сознание общества вошел Олеша — выдумщик множества великолепных, сверкающих сравнений, хозяин „лавки метафор“, рассеянный ротозей, глазающий на прохожих и рассматривающий окрестные ландшафты, чтобы прищипить к листу бумаги свои неизменно радужные впечатления: свежее утро, синее небо, „сладко-зеленую лужайку“, прозрачный плеск голубой воды. Дневники же свидетельствуют об ипохондрике, то и дело возвращающемся к мыслям о смерти, болезням... видящем странные, страшные сны, после которых нельзя жить».³³

Советские критики и литературоведы, представлявшие советскому читателю дневник Кафки, предсказуемым образом использовали вышеописанный набор идей. Из рецензии литературоведа Б. Сучкова на рукопись тома дневников и писем писателя, подготовленную Е. Кацевой для издательства «Искусство», следует, что дневники Кафки так или иначе пригодны для продуктивного

31 Ibidem.

32 ŠKLOVSKIJ, V.: [Predislovije]. In: OLEŠA, Ju.: *Ni dnja bez stročki*. Moskva: Sovetskaja Rossija, 1965, s. 7.

33 GUDKOVA, V.: O Jurii Karloviče Oleše i jego knige, vyšedšej bez vedoma avtora. In: OLEŠA, Ju.: *Kniga proščanija*. Moskva: Vagrius, 1999, s. 5–6. О записях Олеши 1930-х годов как методично разрабатываемом литературном проекте, призванном совместить интимность и субъективность личного дневника с современными требованиями к советской литературе, иначе говоря, поиске собственного способа быть советским писателем см.: WOLFSON, B.: *Escape from Literature: Constructing the Soviet Self in Yuri Olesha's Diary of the 1930s*. *The Russian Review*, 2004, vol. 63, issue 4, pp. 609–620.

использования, поскольку содержат материалы: к творческой истории его литературных текстов («размышления о собственном творчестве, обстоятельствах появления того или иного произведения, о связях его произведений с теми видениями, которые навещали его в состоянии полусна»), к его биографии («сложные и весьма тягостные отношения Кафки с семьей... размышления в связи с предполагавшимися браками»), для реконструкции его образа мыслей («самонаблюдения над собственной душой, состоянием, самоощущением, оставляющие мучительное чувство»³⁴). Различные советские авторы, писавшие о творчестве Кафки, находили в его дневниках: сведения о его литературных связях с экспрессионистами³⁵, о его ориентирах в литературе³⁶, в том числе о его интересе к Достоевскому³⁷, описания эпизодов из его жизни, которые впоследствии в трансформированном виде вошли в литературу Кафки³⁸, комментарии к его литературным текстам³⁹, свидетельства о взглядах и переживаниях европейской мелкой буржуазии начала XX века⁴⁰, размышления о принадлежности Кафки к еврейству⁴¹, подтверждения его небезразличия к судьбе пролетариата⁴². По мнению В. Днепровца, дневники подтверждают, что Кафка прежде всего занимался наблюдением за действительностью: «...он говорит о себе в дневниках и письмах как о художнике рядовой сегодняшней жизни,

34 SUČKOV, B.: Po povodu sbornika F. Kafki «O sebe i o literature». In: SUČKOV, B.: *Liki vremena*. T. 2. Moskva: Chudožestvennaja literatura, 1976, s. 336.

35 Ibidem; SUČKOV, B.: Franc Kafka (1883–1924). In: SUČKOV, B.: *Liki vremena*. Moskva: Chudožestvennaja literatura, 1969, s. 15–20.

36 Например, то значение, которое, как следует из дневника, для Кафки имел А. Стриндберг, позволяет Е. Книпович установить полезную связь между Кафкой и М. Горьким, также неоднократно писавшем о Стриндберге в ранний период карьеры: «Мы вспомнили об этой симпатии основоположника социалистического реализма, чтобы показать, кого из современников Кафка иногда мог ощутить как старшего друга». См.: KNIPOVIČ, Je.: Franc Kafka. In: KNIPOVIČ, Je.: *Otvjetstvennost' za budušeje*. Moskva: Sovetskij pisatel', 1973, s. 340.

37 Ibidem, s. 341–342; ZATONSKIJ, D.: *Franc Kafka i problemy modernizma*. Moskva: Vysšaja škola, 1972, s. 125–126.

38 KNIPOVIČ, Je.: Franc Kafka. In: KNIPOVIČ, Je.: *Otvjetstvennost' za budušeje*. Moskva: Sovetskij pisatel', 1973, s. 332–333.

39 GUS, M.: *Modernizm bez maski*. Moskva: Sovetskij pisatel', 1966, s. 182.

40 SUČKOV, B.: Po povodu sbornika F. Kafki «O sebe i o literature». In: SUČKOV, B.: *Liki vremena*. T. 2. Moskva: Chudožestvennaja literatura, 1976, s. 337.

41 SUČKOV, B.: Franc Kafka (1883–1924). In: SUČKOV, B.: *Liki vremena*. Moskva: Chudožestvennaja literatura, 1969, s. 28.

42 KNIPOVIČ, Je.: Franc Kafka. In: KNIPOVIČ, Je.: *Otvjetstvennost' za budušeje*. Moskva: Sovetskij pisatel', 1973, s. 324–325; SUČKOV, B.: Franc Kafka (1883–1924). In: SUČKOV, B.: *Liki vremena*. Moskva: Chudožestvennaja literatura, 1969, s. 29–30.

замечающим в ней то, чего другие в ней еще не замечают».⁴³ С другой стороны, Б. Сучков утверждает, что дневники Кафки могут продемонстрировать сами основания «декадансных теорий и произведений», иначе говоря, модернизма: «Яснее, чем любая статья или ученое исследование, „Дневники“ Кафки покажут нашей интеллигенции, что представляет собой этот пласт современного мышления и мироощущения. Написанные искренне, человеком внутренне честным, они позволят полнее понять природу, особенности и течение кризиса духа в капиталистическом мире. В этом их ценность и интерес...»⁴⁴

И тем не менее советская критика не могла обойти вниманием то обстоятельство, что дневники Кафки все же не так хорошо справляются с отведенными писательским дневникам задачами, как могли бы. Рассуждая о характерном заголовке рукописи Кацевой «О себе и о литературе», Б. Сучков отмечает: «В книге речь идет главным образом „о себе“, что касается „литературы“, то ей отведено очень небольшое место».⁴⁵ Д. Затонский пишет в предисловии к публикации фрагментов дневника Кафки в «Вопросах литературы»:

«Всякий писательский дневник — рассказ о себе. Однако и о других. Это рассказ художника о его встречах с реальным миром. Комментарий к ним, их разъяснение и истолкование. Дневники Кафки — главным образом повесть о встречах с самим собой. Там содержится много незавершенных литературных набросков или вариантов позднее написанных вещей. Подробно пересказываются сны или даже видения наяву. Целые страницы посвящены жалобам на состояние здоровья, на терзающее писателя неясное беспокойство или чувство вины, на невозможность или неспособность творить. Немало внимания уделено отношениям с отцом, положению в семье.

[...]

В дневниках он сам задавал вопросы и сам отвечал. По сути, только здесь он был полностью самим собою. И здесь он говорил о себе самом. Ибо так, собственно, и жил: весь внутри себя, воспринимая мир лишь в себе и через себя.

43 DNEPROV, V.: Nužno razobrat' sja. *Voprosy literatury*, 1975, № 11, s. 107–135. [online]. URL: <https://voplit.ru/article/nuzhno-razobrattyia/>. [cit. 06.09.2024]. Ср.: Е. Книпович в концептуализации дневника как средства анализа окружающей реальности, доходит до крайности, объясняя отсутствие в дневнике Кафки записей за 1919–1924 годы тем, что писатель попросту не справился с осознанием революционных потрясений этих лет. См.: KNIPOVIČ, Je.: Franc Kafka. In: KNIPOVIČ, Je.: *Otvjetstvenost' za buduščeje*. Moskva: Sovetskij pisatel', 1973, s. 319.

44 SUČKOV, B.: Po povodu sbornika F. Kafki «O sebe i o literature». In: SUČKOV, B.: *Liki vremena*. T. 2. Moskva: Chudožestvennaja literatura, 1976, s. 338.

45 Ibidem, s. 335.

И это не эгоизм. Скорее безысходный эгоцентрический тупик».⁴⁶

Затонский не находит в дневнике Кафки записей о его службе, сколько-нибудь отчетливого выражения его политических взглядов, внятной реакции на Первую мировую войну, упоминаний о прогрессивных чешских писателях, с которыми он, судя по другим источникам, был знаком. Вместо этого советская литературная критика сталкивается с фиксацией снов, видений, болезненных фантазий, мучительных физических и психологических состояний⁴⁷. Поскольку инструментов для социологического анализа снов и недугов в ее распоряжении не было, предсказуемой была бы констатация, наряду с «эгоцентрическим», и эпистемологического тупика: дневник Кафки в советской литературной методологической и идеологической системе если и не молчит в роли исторического источника, то уж во всяком случае говорит мало и не вполне разборчиво.

Довольно естественный выход из этого положения заключался в существенной смене оптики по отношению к традиционной: если дневники советских писателей должны были, пусть и в результате проделанной с ними редакторской работы, подтверждать их репутацию и место в советской литературе, дневник западного модерниста должен был стать инструментом диагностики и разоблачения. И здесь могли оказаться полезными другие контексты, связанные с дневником.

Дневник как средство анализа, регистрации и презентации публике тех или иных явлений не раз использовался в советской медицине. Физиолог Н. Пэрна в работе 1920-х годов, посвященной выявлению законов «жизненного ритма», стремился найти корреляцию между душевными состояниями, возникновением идей, сексуальными переживаниями на материале дневника, который он непрерывно вел много лет. Медицинское наблюдение подразумевало внимание ко всем особенностям и продуктам функционирования тела и психики (в частности, к сновидениям) без применения идеологических фильтров. Автор предисловия к книге пишет: «Кто видел кучу его [Пэрны — Г.Ш.] разграфленных тетрадок, где условными значками, каракулями, цветными карандашами непрерывно отмечались интимнейшие стороны жизни, чувствования и настроения, притом ежедневно, без единого пропуска, тот не может не преклониться перед этой поразительной выдержкой. Едва ли найдется в литературе второй такой физиологический дневник, веденный со всей

46 ZATONSKIJ, D.: Neskol'ko predvaritel'nych zamečaniij. *Voprosy literatury*, 1968, № 2, s. 131. [online]. URL: <https://voplit.ru/article/iz-dnevnikov-frantsa-kafki/>. [cit. 05.09.2024].

47 О болезненных состояниях, описываемых в дневнике Кафки, см., например: SUČKOV, B.: Franc Kafka (1883–1924). In: SUČKOV, B.: *Liki vremena*. Moskva: Chudožestvennaja literatura, 1969, s. 12–14.

добросовестностью ученого за столь долгий период».⁴⁸ Мысли и творческая активность зарождаются в теле, имеют ту же природу и подчиняются тому же ритму, что и любые физиологические процессы, утверждает Пэрна.⁴⁹ Такие выводы основаны на абсолютном доверии ученого к собственному дневнику как к регистрирующему аппарату, не подчиненному какой-либо форме авторского произвола⁵⁰. В основе книги психолога А. Лурия «Потерянный и возвращенный мир» также лежат дневники, применяемые как инструмент наблюдения за психическим состоянием пациента: колоссальный по объему источник, насчитывавший, по словам Лурия, около трех тысяч страниц и создававшийся на протяжении более чем 20 лет, в виде фрагментов и в нарративизированной форме должен был показать читателю процесс восстановления функций мозга у пациента, получившего ранение в голову во время войны. Вот как выглядит отрывок из его записей, приводимых Лурия:

«А тут еще вечные сомнения: „Во сне я живу или наяву?“ [...] И время странно и быстро мчится так, словно я живу во сне...

Мимо меня проходят месяцы, годы, десятилетия. Значит не во сне мне все это снится, а вижу я и ощущаю настоящую действительность, которая отразилась после моего ранения в худшую сторону во сто крат!..

Мне кажется почему-то, что я брожу во сне по какому-то заколдованному замкнутому кругу, из которого не видно для меня выхода...

[...] неужто... это будет так до печального конца моей жизни?»⁵¹

Но книга Лурия, конечно, не останавливается на описании мира, ставшего бессмысленным: перед нами не столько трагическая история «раздробленного сознания», сколько повествование о подвиге, не столько история болезни, сколько история выздоровления. Дневниковые записи, первоначально существовавшие как документация опыта афазии, в книге становятся иллюстрациями к научному описанию проблемы и свидетельством рационального

48 ŠMIDT, P.: Predisloviје. In: PÈRNA, N.: *Ritm žizni i tvorčestva*. Leningrad–Moskva: Petrograd, 1925, s. 7.

49 PÈRNA, N.: *Ritm žizni i tvorčestva*. Leningrad–Moskva: Petrograd, 1925, s. 50–51.

50 Для Пэрны дневник сохраняет связь с историей, но очень своеобразным образом. В своей универсалистской концепции ученый идет дальше изучения «жизненного ритма» отдельного человека в отдельный период, находя в нем действие тех же закономерностей, что и в случае с «ритмами творчества» в биографиях деятелей искусства и науки, а также с ритмами исторических процессов, несмотря на то, что последнее, по его собственным словам, вызывало возмущение профессиональных историков, с которыми он делился наблюдениями. См.: *Ibidem*, s. 13–14.

51 LURIJA, A.: *Poterjannyj i vozvraščennyj mir*. Moskva: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 1971, s. 15–16.

движения больного к восстановлению не только умственных способностей, но и его статуса нормативного советского субъекта.

И. Хелльбек в своем исследовании личных дневников 1930-х годов указывает на то, что в советской культуре начиная с раннего ее этапа было принято относиться к практике ведения дневника как минимум с подозрением: «Дневник, отмеченный разлагающей способностью делать коммуниста слабым, буржуазным и женственным, не относился к числу основных форм „работы над собой“, пропагандировавшихся коммунистическим режимом на протяжении 1930-х годов». ⁵² Письменный отчет о частном, интимном, об ошибках и аффектах, об отсутствии контроля над собой в психологическом, этическом или политическом отношении не мог стать полноценной составляющей советской концепции дневника, хотя, как мы пытались показать выше, совершенно избавиться от такого наследия для нее также было невозможно. В позднесоветской литературе мы находим примеры разоблачения морально неустойчивых или нравственно больных персонажей посредством обнаружения их личных записей. Об образе мыслей персонажа романа Л. Леонова «Русский лес» (1954), карьериста, вредителя и декадента Грацианского, успешно адаптировавшегося к советской действительности и скрывающего свою подлинную сущность, его оппонент Вихров узнает из случайно найденных на его рабочем столе бумаг: «Вслед за кратким изложением известного трактата Юма о самоубийстве шли собственные мысли Александра Яковлевича о том же самом, о смерти, как инструменте познания, о праве человека на все, не наносящее ущерба ближнему, о соблазнительности такой единовременной всепоглощающей утраты, за которой уже нечего утрачивать. Также, в утешение уходящим, было там нечто и о конструкции космоса, о повторяемости миров, о каких-то кольцевидно вдетых друг в дружку сферах бытия, о содержащихся в ядрах атомов миллионах галактик и еще многое, доморощенное и с неприятным нравственным запахом, каким бывают пропитаны в смятении написанные завещания, и все же — с предельной откровенностью — без риска стореть со стыда или погубить свою карьеру». ⁵³

Девушка Эля из рассказа В. Астафьева «Сон о белых горах», вошедшего в цикл «Царь-рыба» (1976), способна по-настоящему оценить моральный облик и, в частности, глубины индивидуализма своего погибшего возлюбленного после того, как к ней в руки попадает его дневник, наполненный цитатами

52 CHELL'BEK, J.: *Revoljucija ot pervogo lica: Dnevnik stalinskoj èpochi*. Moskva: Novoje literaturnoje obozrenije, 2017, s. 71.

53 LEONOV, L.: *Russkij les*. Moskva: Molodaja gvardija, s. 580.

из Блаженного Августина, Сент-Экзюпери, Ницше и содержащий сентенции вроде такой: «Люди, как черви, копошатся на трупe земли».⁵⁴

Д. Затонский отводил дневникам Кафки важнейшее место в корпусе его текстов:

«...Полностью самим собой он был именно в дневниках. Ибо там сам задавал вопросы и сам отвечал. И там он говорил о себе самом, потому что так, собственно, и жил: весь внутри себя, воспринимая мир лишь в себе и через себя.

В этом смысле дневники — ключ. Но в той же мере, в какой противоречив, неоднозначен, своеобразен писатель Кафка, своеобразен и ключ к нему».⁵⁵

В полном соответствии с содержащимся в этом пассаже тезисом советские литературоведы и критики обсуждали дневниковые записи Кафки и его прозу, используя одну и ту же аргументацию, язык описания, приходя к одним и тем же выводам⁵⁶. Дневник, со всей специфической прагматикой и стилем, присущими этому виду письма, обнажал главные особенности прозы Кафки. Л. Копелев пишет о том, что в «старых жанровых оболочках» Кафка создавал «простейшие протоколно-сухие отчеты о бредях, кошмарах и всяческие выражения ужаса перед жизнью», вследствие чего творчество Кафки находится «у пределов или даже за пределами искусства».⁵⁷ Стремление Кафки уничтожить свои тексты Копелев считает не случайным, обнаруживая подготовку к литературному самоубийству в самом методе писателя: «В творчестве Кафки субъективизм доведен до такой предельной завершенности, что он уже не только полностью отрицает и разлагает все привычные формы художественного отношения к действительности, но отрицает и самое себя...»⁵⁸ Похожим образом Б. Сучков выражает сомнение в том, что в случае с Кафкой речь вообще может идти об искусстве: «... в его творчестве была размыта, разрушена грань, которая у художника всегда отделяет наблюдения над собственной личностью от области искусства, где объективизируется перечувствованная и обобщенная

54 ASTAF'JEV, V.: Car'-ryba. In: ASTAF'JEV, V.: *Sobranije sočinenij v pjatnadcati tomach*. T. 6. Krasnojarsk: Ofset, 1997, s. 366.

55 ZATONSKIJ, D.: *Franc Kafka i problemy modernizma*. Moskva: Vysšaja škola, 1972, s. 62.

56 Дневник Кафки цитируется едва ли не в большей части советских публикаций о его творчестве. Автор монографии о Кафке Д. Затонский иллюстрирует выдержками из дневника все свои основные тезисы. Дальше всех идет Б. Бурсов, рассуждающий о творчестве Кафки, цитируя *исключительно* дневник. См.: BURSOV, B.: Puti k chudožestvennoj pravde. In: BURSOV, B.: *Realizm vsegda i segodnja*. Leningrad: Lenizdat, 1967, s. 66–93.

57 KOPELEV, L.: U propasti odinočestva: F. Kafka i osobennosti sovremennogo sub"jektivizma. In: KOPELEV, L.: *Serdec vsegda sleva*. Moskva: Sovetskij pisatel', 1960, s. 168–189. [online]. URL: <https://kafka.ru/kritika/read/subjectivizm>. [cit. 05.09.2024].

58 Ibidem.

художником стихия бытия, в том числе и его личностных переживаний. Произведения Кафки в значительной мере были прямым продолжением, фиксацией, записью его внутренних состояний и видений, тревожным, полным недоговоренностей и смуты рассказом о химерах и мучительных страхах, владевших его сознанием и омрачавших его безрадостную жизнь, которая протекала в мещанской среде, за письменным столом мелкого служащего, в безнадежной борьбе с недугами...»⁵⁹ «Кафка почти ничего не делал с намерением... просто он так видел мир. Он не разоблачал; он страдал»,⁶⁰ — утверждает Д. Затонский. Е. Книпович последовательно описывает творчество Кафки как автобиографическое, возникшее на фундаменте чувств «чуждости», «вины» и «страха», которые в жизни испытывал автор.⁶¹ «Темой Кафки стала его собственная фантастическая жизнь»,⁶² — формулирует ту же мысль Б. Бурсов. Зарегистрированная в дневниках симптоматика физических и психических недугов также распространяется на всю прозу Кафки⁶³: советские авторы пишут о стоящем за ней «болезненном»⁶⁴, «больном»⁶⁵, «безумном»⁶⁶ сознании, «больном таланте»⁶⁷, присущих ей логике «бредового сна» или «видений шизофреника»⁶⁸. Использование медиализирующего дискурса, упреки в субъективизме и эскапизме, критика нарративной организации текстов были

59 SUČKOV, B.: Franc Kafka (1883–1924). In: SUČKOV, B.: *Liki vremena*. Moskva: Chudožestvennaja literatura, 1969, s. 8–9.

60 ZATONSKIJ, D.: *Franc Kafka i problemy modernizma*. Moskva: Vysšaja škola, 1972, s. 63.

61 KNIPOVIČ, Je.: Franc Kafka. In: KNIPOVIČ, Je.: *Otvjetstvenost' za buduščee*. Moskva: Sovetskij pisatel', 1973, s. 311–343.

62 BURSOV, B.: Puti k chudožestvennoj pravde. In: BURSOV, B.: *Realizm vseгда i segodnja*. Leningrad: Lenizdat, 1967, s. 93.

63 Т. Мотылева вспоминает о творчестве Кафки в связи с еще одним литературным текстом, тесно связанным с дневниковой формой, а также с фиксацией нравственного и физического нездоровья, — «Записками из подполья» Ф. Достоевского. См.: MOTYLEVA, T.: *Dostojevskij i mirovaja literatura (K postanovke voprosa)*. In: MOTYLEVA, T.: *Inostrannaja literatura i sovremennost'*. Moskva: Sovetskij pisatel', 1961, s. 250. Ср. рассуждение о дневниках в книге литературоведа В. Турбина: «Индивидуальный дневник надвигается на общество. Я уходит в дневник. Прячется в подвал. [...] Торжествует жанр дневника: дневник — подполье, которое всегда под рукою. Подвал в кармане». См.: TURBIN, V.: *Puškin. Gogol'. Lermontov. Ob izučenii literaturnykh žanrov*. Moskva: Prosveščeniye, 1978, s. 151.

64 LOBANOV, M.: *Nadežda iskanij*. Moskva: Sovremennik, 1978, s. 178.

65 DNEPROV, V.: Nužno razobrat'sja. *Voprosy literatury*, 1975, № 11, s. 107–135. [online]. URL: <https://voplit.ru/article/nuzhno-razobratsya/>. [cit. 06.09.2024].

66 MICHALEVIČ, A.: O glubinach i predelach. IV. *Izvestija*, 1969, № 33 (7 fevralja), s. 2.

67 ZATONSKIJ, D.: *Franc Kafka i problemy modernizma*. Moskva: Vysšaja škola, 1972, s. 3.

68 KOPELEV, L.: U propasti odinočestva: F. Kafka i osobennosti sovremennogo sub'ektivizma. In: KOPELEV, L.: *Serdce vseгда sleva*. Moskva: Sovetskij pisatel', 1960, s. 168–189. [online]. URL: <https://kafka.ru/kritika/read/subjectivizm>. [cit. 05.09.2024].

в целом важными составляющими советской дискуссии о модернизме, однако в случае с Кафкой речь шла не только о разоблачении вредоносной литературы, но и о попытке увидеть за некоторыми ее каноническими образцами историю конкретного пострадавшего. Виктимизация Кафки — общее место в советских текстах о нем. «Кафка не „отец новой западной литературы“, как это полагают модернисты, не „пророк“, не победитель. Он побежденный, жертва или, вернее, ещё одно вещественное доказательство преступлений капитализма против человеческой культуры»,⁶⁹ — пишет Е. Книпович. «Страшной трагедией человека, загубленного буржуазным обществом и не нашедшего в себе сил сопротивляться»⁷⁰ называет судьбу Кафки Д. Затонский. М. Лобанов использует несколько более грубую формулировку, именуя Кафку «неудачником, по-человечески достойным сочувствия»⁷¹. Б. Бурсов считает писателя «модернистом поневоле»⁷², а в его творческом пути видит «трагедию искусства в условиях капиталистической реакции»⁷³. Неудавшаяся, незавершенная, толком не подготовленная к печати самим автором литература была легитимной в той мере, в какой была способна поведать о причинах такого плачевного ее состояния — не только личных, но в первую очередь социальных.

Хотя советская критика, таким образом, отказывала Кафке в наличии агентности внутри литературного процесса и даже за собственным рабочим столом, а следовательно, в способности быть реалистом, его текстам все равно приписывается свойство так или иначе освещать историческую реальность, пусть в виде свидетельства, а не анализа. Марксистская оптика, позволявшая относиться к литературе как к медиуму общественных процессов, обнаруживала их следы и в прозе Кафки, в зашифрованном и неупорядоченном виде. Советские публикации о писателе в основном продолжают двигаться в направлении, в основном совпадающем с тем, что было избрано европейскими марксистами, с которыми они полемизировали, вплоть до того, что вслед за ними советские авторы видят в текстах Кафки изображение отчуждения, правда, исключительно в классическом смысле — в контексте

69 KNIPOVIČ, Je.: Franc Kafka. In: KNIPOVIČ, Je.: *Otvěstvennost' za budušeje*. Moskva: Sovetskij pisatel', 1973, s. 343.

70 ZATONSKIJ, D.: Neskol'ko predvaritel'nych zamečanj. *Voprosy literatury*, 1968, № 2, s. 131. [online]. URL: <https://voplit.ru/article/iz-dnevnikov-frantsa-kafki/>. [cit. 05.09.2024].

71 LOBANOV, M.: *Nadežda iskanij*. Moskva: Sovremennik, 1978, s. 178.

72 BURSOV, B.: Puti k chudožestvennoj pravde. In: BURSOV, B.: *Realizm vseгда i segodnja*. Leningrad: Lenizdat, 1967, s. 79.

73 Ibidem, s. 83.

капитализма⁷⁴. «... его творчеству присущи подлинно художественные элементы, которые отражают пусть причудливо, гротескно преобразованные, но в конечном счете все же объективно-действительные черты страшного мира буржуазной повседневности»,⁷⁵ — пишет о Кафке Л. Копелев. И. Млечина пишет в рецензии на советский том Кафки: «В творчестве этого сложного художника отразились гибельные противоречия капиталистического мира».⁷⁶ В. Днепров возводит творческий метод Кафки к Гоголю, создавшему «реалистическую поэтику бюрократического мира».⁷⁷ Е. Книпович считает тексты Кафки «пусть ограниченным, но документом эпохи».⁷⁸

Конечно, в значительной мере описанные выше способы говорить о Кафке естественным образом повторяют или намеренно эксплуатируют темы, ставшие общими местами в уже огромном на тот момент корпусе зарубежных текстов о писателе. Также необходимо отдавать себе отчет в том, что процитированные тексты создавались в разное время, в разных условиях, отвечали на разные запросы и следовали разным заказам, демонстрировали разные позиции (пусть эти различия и проявлялись часто только в нюансах). Тем не менее советский дискурс о Кафке 1960–1970-х годов содержит некоторый неизменный набор идей, связанный с обстоятельствами публикации текстов писателя в СССР, дискуссиями, ее окружавшими, советской литературной идеологией. В соответствии с ним творчество Кафки следовало развенчать как

- 74 См., например: KNIPOVIČ, Je.: Franc Kafka. In: KNIPOVIČ, Je.: *Otvjetstvenost' za budušeje*. Moskva: Sovetskij pisatel', 1973, s. 331; ZATONSKIJ, D.: *Franc Kafka i problemy modernizma*. Moskva: Vyssaja škola, 1972. Некоторые советские авторы, скорее вразрез с общей линией, воспроизводят распространенный в зарубежной литературе нарратив о Кафке-провидце, возвестившем о будущих кошмарах нацизма и даже сталинизма, а потому связанном с исторической реальностью гораздо сильнее, чем это кажется на первый взгляд. См.: ÈRENBURG, I.: *Otstavit' čelovečeskie cennosti*. *Literaturnaja gazeta*, 1963, № 97 (13 avgusta), s. 2; BURSOV, B.: *Literatura našego veka*. *Pravda*, 1967, № 331 (27 nojabrja), s. 2; VELIKOVSKIJ, S.: *Priglašenje porazmyslit' (K probleme «otčuždenija»)*. *Voprosy literatury*, 1965, № 9, s. 166–189; ADMONI, V.: *Poètika i dejstvitel'nost'*. Leningrad: Sovetskij pisatel'. Leningradskoje otdelenije, 1975, s. 166. Критику этого подхода, основанную опять же на констатации непреднамеренности такого эффекта, см.: GINZBURG, L.: *Peter Bamm protiv Genricha Belja*. *Literaturnaja gazeta*, 1964, № 151 (22 dekabrja), s. 4.
- 75 KOPELEV, L.: *U propasti odinočestva: F. Kafka i osobennosti sovremennogo sub'ektivizma*. In: KOPELEV, L.: *Serdec vseгда sleva*. Moskva: Sovetskij pisatel', 1960, s. 168–189. [online]. URL: <https://kafka.ru/kritika/read/subjectivizm>. [cit. 05.09.2024].
- 76 MLEČINA, I.: *Odnatomnik Kafki*. *Literaturnaja gazeta*, 1966, № 9 (20 janvarja), s. 4.
- 77 DNEPROV, V.: *Nužno razobrat'sja*. *Voprosy literatury*, 1975, № 11, s. 107–135. [online]. URL: <https://voplit.ru/article/nuzhno-razobratsya/>. [cit. 06.09.2024].
- 78 KNIPOVIČ, Je.: Franc Kafka. In: KNIPOVIČ, Je.: *Otvjetstvenost' za budušeje*. Moskva: Sovetskij pisatel', 1973, s. 321.

собственно *литературный* проект, связанный с модернизмом. Но и идеи о реализме Кафки противоречили методологическим и идеологическим установкам советской литературной критики и советского литературоведения. Читателя, получившего ограниченный доступ к переводам текстов Кафки, критика должна была снабдить чем-то иным, нежели руководством по их потреблению в качестве продуктов эстетики. Специфичность литературной карьеры Кафки, проблематичность демаркации границ между его биографией, литературными текстами и личным дневником позволяли придать его творческому наследию статус *документа*, который важно правильно прочесть. Тот способ чтения, который был предложен советской критикой, позволял увидеть в творчестве Кафки главным образом не столько вредоносную литературу, сколько описание мировоззрения и быта пражского буржуа, реальный комментарий к генезису модернистской литературы или хронику несчастий. Подобно тому, как Тане Савичевой не нужно было быть писательницей-реалисткой, чтобы показать преступления нацизма и ужас положения человека, оказавшегося в непереносимых условиях, этого не требовалось и от Кафки. Такой способ чтения наделял тексты Кафки способностью разоблачать модернизм и выводил их из области моды, оставляя им место среди исторических источников.

Библиография:

- ADAMOVIČ, A., GRANIN, D.: Glavy iz blokadoj knigi. *Novyj mir*, 1977, № 12, s. 25–158.
- ADMONI, V.: *Poètika i dejstvitel'nost'*. Leningrad: Sovetskij pisatel'. Leningradskoje otdelenije, 1975.
- ANTOKOL'SKIJ, P.: Bella Achmadulina. In: ANTOKOL'SKIJ, P.: *Sobranije sočinenij: V četyrech tomach*. T. 4. Moskva: Chudožestvennaja literatura, 1973, s. 248–256.
- ASTAF'JEV, V.: Car'-ryba. In: ASTAF'JEV, V.: *Sobranije sočinenij v pjatnadcati tomach*. T. 6. Krasnojarsk: Ofset, 1997, s. 5–426.
- BELJAJEVA, L.: Bessonnica. In: BELJAJEVA, L.: *Sem' let ne v sčet*. Moskva: Sovetskaja Rossija, 1988, s. 5–218.
- BELOV, V.: Čok-polučok. In: BELOV, V.: *Vospitanije po doktoru Spoku*. Moskva: Sovremennik, 1978, s. 221–255.
- BURSOV, B.: Literatura našego veka. *Pravda*, 1967, № 331 (27 nojabrja), s. 2–3.

- BURSOV, B.: Puti k chudožestvennoj pravde. In: BURSOV, B.: *Realizm vseгда i segodnja*. Leningrad: Lenizdat, 1967, s. 57–109.
- ČUDAKOVA, M.: *Besedy ob archivach*. Moskva: Molodaja gvardija, 1975.
- Devjatyj den' maja. *Nedelja*, 1979, № 18 (30 aprolja), s. 3.
- DNEPROV, V.: Nužno razobrat'sja. *Voprosy literatury*, 1975, № 11, s. 107–135. [online]. URL: <https://voplit.ru/article/nuzhno-razobratty/>. [cit. 06.09.2024].
- ÈDEL', È.: Kifka. *Krokodil*, 1975, № 33, s. 7.
- ÈRENBURG, I.: Otstaivat' čelovečeskije cennosti. *Literaturnaja gazeta*, 1963, № 97 (13 avgusta), s. 2–3.
- FEDIN, K.: Sud'ba romana. *Pravda*, 1963, № 218 (6 avgusta), s. 4.
- FILIPPOV-ČECHOV, A. (sost.): *Franc Kafka v ruskoj kul'ture*. Moskva: Centr knigi Rudomino, 2012. ISBN 978-5-905626-22-7.
- GINZBURG, L.: Peter Bamm protiv Genricha Belja. *Literaturnaja gazeta*, 1964, № 151 (22 dekabnja), s. 4.
- GINZBURG, L.: *O literaturnom geroje*. Leningrad: Sovetskij pisatel', 1979.
- GUDKOVA, V.: O Jurii Karloviče Oleše i jeho knige, vyšedšej bez vedoma avtora. In: OLEŠA, Ju.: *Kniga proščanija*. Moskva: Vagrius, 1999, s. 5–24. ISBN 5-7027-0540-8.
- GUS, M.: *Modernizm bez maski*. Moskva: Sovetskij pisatel', 1966.
- HUGHES, K.: The Marxist Debate, 1963. In: FLORES, A. (ed.): *The Kafka Debate*. New York: Gordian Press, 1977, pp. 51–59. ISBN 0-87752-211-1.
- CHELL'BEK, J.: *Revolucija ot pervogo lica: Dnevnik stalinskoj èpochi*. Moskva: Novoje literaturnoje obozrenije, 2017. ISBN 978-5-4448-0707-1.
- CHMEL'NICKAJA, T.: Razdum'ja chudožnika. *Literaturnaja gazeta*, 1956, № 151 (20 dekabnja), s. 3.
- KACEVA, Je.: Opisanije odnoj bor'by. *Znamja*, 1993, № 12, s. 194–200.
- KAFKA, F.: Iz dnevnikov Franca Kafki. *Voprosy literatury*, 1968, № 2, s. 131–168.
- KNIPOVIČ, Je.: Franc Kafka. In: KNIPOVIČ, Je.: *Otvettvennost' za buduščee*. Moskva: Sovetskij pisatel', 1973, s. 311–343.
- KOPELEV, L.: U propasti odinočestva: F. Kafka i osobennosti sovremennogo sub"jektivizma. In: KOPELEV, L.: *Serdce vseгда sleva*. Moskva: Sovetskij pisatel', 1960, s. 168–189. [online]. URL: <https://kafka.ru/kritika/read/subjectivizm>. [cit. 05.09.2024].
- KOVAL'ČENKO, I. (red.): *Istočnikovedenije istorii SSSR*. Moskva: Vysšaja škola, 1973.
- KREMENSKOJ, A.: Dokučajevskije rošči. In: KREMENSKOJ, A.: *Oblaka i zvezdy*. Moskva: Sovetskij pisatel', 1978, s. 431–472.
- LEONOV, L.: *Russkij les*. Moskva: Molodaja gvardija, 1954.
- LOBANOV, M.: *Nadežda iskanij*. Moskva: Sovremennik, 1978.
- LURIJA, A.: *Poterjannyj i vozvraščennyj mir*. Moskva: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 1971.
- MICHALEVIČ, A.: O glubinach i predelach. IV. *Izvestija*, 1969, № 33 (7 fevralja), s. 2.

- MLEČINA, I.: Odnatomnik Kafki. *Literaturnaja gazeta*, 1966, № 9 (20 januarja), s. 4.
- MOTYLEVA, T.: Dostojevskij i mirovaja literatura (K postanovke voprosa). In: MOTYLEVA, T.: *Inostrannaja literatura i sovremennost'*. Moskva: Sovetskij pisatel', 1961, s. 212–274.
- MOTYLEVA, T.: V sporach o romane. *Novyj mir*, 1963, № 11, s. 206–226.
- PAVLOVSKAJA, A., PAVLOVSKIJ, A.: Blokadnyj dnevnik v kul'turnoj pamjati: Archiv i kanon blokadnogo ègo-dokumenta (1941–2021). In: LOMAGIN, N. (red.): «*Ja znaju, čto tak pisat' nel'zja*»: *Fenomen blokadnogo dnevnika*. Sankt-Peterburg: Izdatel'stvo Jevropejskogo universiteta v Sankt-Peterburge, 2022, s. 421–456. ISBN 978-5-94380-335-2.
- PÈRNA, N.: *Ritm žizni i tvorčestva*. Leningrad–Moskva: Petrograd, 1925.
- PINSKIJ, A.: Dnevnikovaja forma i sub"jektivnost' v chruščevskuju èpochu. In: PINSKIJ, A. (red.): *Posle Stalina: pozdnesovetskaja sub"jektivnost' (1953–1985)*. Sankt-Peterburg: Izdatel'stvo Jevropejskogo universiteta v Sankt-Peterburge, 2018, s. 145–178. ISBN 978-5-94380-242-3.
- PLOTKIN, L.: Leningrad, 1942. *Literaturnaja gazeta*, 1972, № 47 (22 nojabrja), s. 5.
- PUŠKAREV, L.: *Klassifikacija russkich pis'mennyh istočnikov po otečestvennoj istorii*. Moskva: Nauka, 1975.
- SARTR, Ž.-P.: Cholodnaja vojna i jedinstvo kul'tury. *Inostrannaja literatura*, 1963, № 1, s. 222–229.
- SIMONOV, K.: [Pis'mo V. N. Sedych]. In: SIMONOV, K.: *Sobranije sočinenij v desjati tomach*. T. 12. Moskva: Chudožestvennaja literatura, 1987, s. 445–447.
- SIZOV, N.: Konflikt v Priozerske. In: SIZOV, N.: *Začem mne ètot million?* Moskva: Sovetskaja Rossija, 1988, s. 3–166. ISBN 5-268-00522-7.
- SUČKOV, B.: Franc Kafka (1883–1924). In: SUČKOV, B.: *Liki vremeni*. Moskva: Chudožestvennaja literatura, 1969, s. 2–81.
- SUČKOV, B.: Po povodu sbornika F. Kafki «O sebe i o literature». In: SUČKOV, B.: *Liki vremeni*. T. 2. Moskva: Chudožestvennaja literatura, 1976, s. 335–338.
- ŠKLOVSKIJ, V.: [Predislovije]. In: OLEŠA, Ju.: *Ni dnja bez stročki*. Moskva: Sovetskaja Rossija, 1965, s. 3–8.
- ŠMIDT, P.: Predislovije. In: PÈRNA, N.: *Ritm žizni i tvorčestva*. Leningrad–Moskva: Petrograd, 1925, s. 5–8.
- ŠUBIN, È.: Blokadnyje dnevniky pisatelej. In: KOVALEV, V., PAVLOVSKIJ, A. (red.): *Literaturnyj Leningrad v dni blokady*. Leningrad: Nauka. Leningradskoje otdelenije, 1973, s. 251–274.
- TALL, E.: Who's Afraid of Franz Kafka?: Kafka Criticism in the Soviet Union. *Slavic Review*, 1976, vol. 35, issue 3, pp. 484–503. ISSN 00376779.
- TURBIN, V.: *Puškin. Gogol'. Lermontov. Ob izučenii literaturnych žanrov*. Moskva: Prosveščeniye, 1978.

VELIKOVSKIJ, S.: Priglašenje porazmyslit' (K probleme «otčuzdenija»). *Voprosy literatury*, 1965, № 9, s. 166–189.

Veter veka – v parusa realizma. *Literaturnaja gazeta*, 1965, № 14 (2 fevralja), s. 4.

WOLFSON, B.: Escape from Literature: Constructing the Soviet Self in Yuri Olesha's Diary of the 1930s. *The Russian Review*, 2004, vol. 63, issue 4, pp. 609–620. ISSN 00360341.

ZATONSKIJ, D.: *Franc Kafka i problemy modernizma*. Moskva: Vysšaja škola, 1972.

ZATONSKIJ, D.: Neskol'ko predvaritel'nyh zamečanij. *Voprosy literatury*, 1968, № 2, s. 131. [online]. URL: <https://voplit.ru/article/iz-dnevnikov-frantsa-kafki/>. [cit. 05.09.2024].

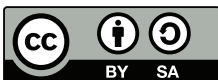
ZIL'BERŠTEJN, I., ROZENBLJUM, L.: Najedine s samim soboju. *Ogonek*, 1971, № 46, s. 11–15.

About the author

Georgii Sherstnev

European University at St. Petersburg, Prozhito Center, St. Petersburg, Russia

gsherstnev@eu.spb.ru



This work can be used in accordance with the Creative Commons BY-SA 4.0 International license terms and conditions (<https://creativecommons.org/licenses/by-sa/4.0/legalcode>). This does not apply to works or elements (such as images or photographs) that are used in the work under a contractual license or exception or limitation to relevant rights.